ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Проф. Б. Г. АНАНЬЕВ

УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной 12 декабря 1947 г. в Ленинграде

ЛЕНИЗДАТ—1948

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
Ленинградское отделение

Проф. Б. Г. АНАНЬЕВ

УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной 12 декабря 1947 г.
в Ленинграде

ЛЕНИЗДАТ — 1948

Среди крупнейших достижений советской науки особое место занимают успехи советской психологии. Советский строй не только обеспечил благоприятные условия для дальнейшего развития научной психологии в нашей стране, но и по существу заново создал психологию как науку, обеспечив ее превращение в подлинную научную систему знаний. Можно без преувеличения сказать, что начатое в XIX столетии формирование, становление психологии как науки завершается только в нашей стране. Философской основой психологии является диалектический и исторический материализм.

Для того чтобы стал понятен этот тезис, из которого вытекает исключительное значение советской психологии для развития передовой мировой науки, нужно сделать краткий экскурс в историю психологии, в историю становления психологии как отдельной самостоятельной науки.

Психология как самостоятельная наука начала складываться только в XIX столетии, выделившись из философии в качестве особой научной дисциплины. Первоначально, как известно, психология составляла один из разделов философии. Длительный и сложный процесс выделения психологии из философии совершался на определенной основе. Этой основой явился расцвет естествознания и в особенности физиологии нервной системы, физиологии мозга в XIX столетии. Совершенно ясно, почему именно с расцветом естествознания, почему именно с обособлением физиологии мозга как самостоятельной дисциплины связано и выделение психологии из философии. Дело в том, что решение самого главнейшего вопроса психологии — вопроса о природе и причинности психических процессов — неизбежно связано с изучением мозговой деятельности как материальной основы психических процессов.

Вот почему именно с развитием этой отрасли естествознания связано выделение психологии из состава философии в самостоятельную науку.

Известно, что до этого времени не существовало специальных психологических исследований, хотя на протяжении многих столетий в различных философских системах неизбежно возникали и развивались психологические концепции — то или иное понимание вопроса об отношении души к телу, сознания к материи. (Материалистические или идеалистические системы определяли собою характер психологических концепций.)

Переход от психологических воззрений к психологическим исследованиями, т. е. к конкретному изучению сознания, свойств сознания, психических процессов и т. д., мог быть связан только с применением научных методов в конкретных исследованиях, с познанием материальной основы психического.

Материалистические философские учения и идеалистические философские учения сыграли противоположную роль в отношении выделения психологии из философии. Важно подчеркнуть, что именно материалистическая философия постоянно боролась за выделение психологии из философии, за превращение психологии в самостоятельную науку. Для философского материализма главнейшей предпосылкой к этому выделению являлось базирование психологии на естественнонаучной основе. Что касается идеалистической философии, то на протяжении всей истории ее приверженцами создавались непрестанно препятствия для превращения психологии в науку, препятствия для выделения психологии в качестве самостоятельной отрасли знания. Это было не случайно, так как идеалистическая философия рассматривала сознание, психические явления как особую самостоятельную сущность, как субстанцию души. Идеалисты поэтому неизбежно отрицали причинность психических процессов и стремились всегда превратить психологию в «служанку богословия». Это относится не только к философскому идеализму средневековья, это относится и к философскому идеализму XX столетия, и, быть может, с наибольшей остротой именно сейчас проявляется эта тенденция философского идеализма в вопросах психологии.

Достаточно сказать, что в 1917 году, в год величайшей в истории человечества Великой Октябрьской социалистической революции, русские философы-идеалисты стремились повернуть вспять историю познания. Один из крупнейших русских философов-идеалистов Александр Введенский пытался утверждать «непознаваемость чужой души», выдвинув при этом пресловутый закон «непознаваемости чужой психики»

Другой крупнейший философ-идеалист профессор Франк утверждал, что психология должна вернуться в лоно теологии, так как будто бы доказана невозможность разрешения научным способом познания духовной жизни. Поэтому Франк откровенно предлагал заменить научное познание психики «божественным откровением».

То, что закончилось для нашей страны, для России, в 1917 году вместе с разгромом дворянско-помещичьего государства, сегодня составляет официально господствующую линию идеалистической философии и психологии за рубежом, в империалистических странах, особенно в Соединенных Штатах Америки. Достаточно сказать, что на всех конгрессах в Германии в 20—30-х гг. этого века в качестве ведущих докладчиков, которые определяли пути развития современной немецкой психологии, неизбежно выступали католические патеры и протестантские пасторы. Их доклады полны призывов к единению веры и разума, к возвращению психологии в лоно теологии. Все крупнейшие представители современной буржуазной истории психологии постоянно стремятся доказать, что научные психологические знания едины в своих источниках с религиозным «познанием» в форме откровения и поэтому, в конечном счете, неизбежно возвращение психологии к религии. Я имею в виду немецкого историка Дессуара и крупного теоретика американской психологии Боринга.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что идеалистическая философия, борясь против материализма, следовательно, против единственно точного научного познания природы психического, неизбежно толкала психологию только в одном направлении — к богословию.

Только с историей философского материализма связано подготовление всех необходимых предпосылок для превращения психологии в самостоятельную науку. Философский материализм непосредственно и создал теоретические предпосылки, которые способствовали превращению психологии в самостоятельную науку, выделению ее из философии. Сам процесс выделения психологии из философии был обязан философскому материализму, но решался непосредственно с помощью передового естествознания. В России этот процесс обнаружился в наиболее полной и явственной форме.

Герцен и Чернышевский, великие представители русского классического материализма, в середине XIX века боролись за научное понимание сознания и подчеркивали постоянно необходимость самостоятельного научного развития психоло-

гии. Продолжатель линии Чернышевского в естествознании И. М. Сеченов явился не только великим реформатором нашей отечественной и мировой физиологии, но и основоположником научной психологии в России. Сейчас уже окончательно можно считать выясненным, что первоначальное развитие в России экспериментальной научной психологии связано с развитием сеченовской школы психологии, с развитием сеченовских традиций в русской психологии. Поэтому не случайно, что основателями русской экспериментальной психологии являются именно те ученые, которые прямо или косвенно развивали сеченовские традиции в естествознании и психологии. Я имею в виду Бехтерева, Корсакова, Токарского, Ланге и т. д.

Таким образом, русский классический философский материализм, открывая дорогу передовому естествознанию, обеспечил выделение психологии в самостоятельную науку с ее особыми, в том числе и экспериментальными, методами исследования. Это была первоначальная ступень становления психологии как науки на основе естествознания. Но достигнуть даже этой первоначальной ступени не было дано многим течениям западноевропейской и американской психологии не только в XIX, но и в XX столетии.

Если психология начала формироваться как особая наука на основе естествознания, то завершение этого процесса выделения психологии в самостоятельную науку было возможным лишь на основе научного понимания законов общественного развития, на основе понимания материальных основ развития общественного и индивидуального сознания людей.

Таким образом, дело, начатое передовым естествознанием, дело построения научной психологии завершается лишь историческим материализмом. Только на основе научного, следовательно, историко-материалистического понимания законов развития общества и человеческой личности, т. е. на основе единственно научной теории общественного развития, возможно было построить психологию как подлинную науку.

Теперь, я думаю, понятна мысль, которую я высказал в самом начале лекции о том, что советская психология, ее история за 30 лет не есть простое расширение процесса накопленных знаний. Великая Октябрьская социалистическая революция произвела коренной переворот в психологии. Завершение психологии как научной системы было возможно только в нашей стране и только на новой философской основе — марксистско-ленинском учении. Поэтому не только в

отдельных принципах, не только в отдельных исследованиях, но и в целом современная научная психология — детище Великой Октябрьской социалистической революции. В результате напряженной борьбы за перестройку всей системы психологии на новой философской основе советская психология сложилась как новая психология по своим философским принципам, по логике своего построения и по своим идейно-политическим целям. Она имеет и ту особенность, что изучает новые закономерности развития социалистического сознания советских людей. Вооруженная историко-материалистическим пониманием личности, советская психология встала в принципиально иное отношение к жизни, к практике, по сравнению со всей предшествующей психологией. Современная советская психология является действительно жизненной теорией сознания личности человека, непосредственно участвующей в строительстве социалистической культуры, особенно в деле коммунистического воспитания.

Ликвидация разрыва между теорией и практикой стала возможной для психологии лишь в советских условиях, лишь в условиях подлинной демократизации науки. Созданная на основе великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, психологическая наука в СССР получила исключительные, не только теоретические, но и организационно-материальные, возможности для своего развития.

В дореволюционной России существовало лишь несколько психологических лабораторий и всего лишь один специальный психологический институт. Этот единственный в России институт был основан Челпановым, но носил имя купеческой жены Щукиной, на средства которой он существовал. Несмотря на развитие психологической науки в России, в стране до революции не было ни одной кафедры психологии в высших учебных заведениях. Вплоть до революции дисциплина «психология» входила в содержание работы кафедры философии.

В настоящее время, спустя 30 лет, советская психология благодаря неустанной заботе партии и правительства о развитии передовой науки обладает мощными научными организациями и учреждениями, специальными научными институтами в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Риге и т. д., крупными кафедрами и лабораториями. Больше чем в 30 университетах и вузах нашей страны созданы отделения логики и психологии на философских и филологических факультетах. Как известно, решением Центрального Комитета партии ровно

год тому назад было указано на необходимость введения с осени 1947 года преподавания психологии и логики в средней школе нашей страны.

Так выросшая в годы советской власти и сложившаяся как часть социалистической культуры психология в СССР достигла такой высоты, такого уровня передовой науки, при котором возможно ее использование как одного из средств формирования научного марксистско-ленинского мировоззрения. За 30 лет существования советской психологии советские ученые сделали крупный вклад в разработку конкретных проблем психологической науки. Нет ни одной области психологии, в которой не сказалась бы великая преобразующая сила марксистско-ленинских философских основ. В самом кратком и общем виде принципы советской психологии могут быть охарактеризованы следующим образом.

Первое. Взамен типичного для господствующих направлений в буржуазной психологии психофизического дуализма, разрыва между психическим и физическим, между духовным и материальным, в котором, по существу, сохранялось идеалистическое понимание души как самостоятельной и бессмертной субстанции, в советской психологии установлен принцип психофизического монизма. Понимание единства психических и нервных мозговых процессов, понимание единства психического и материального, понимание психики как свойства материи, души — как свойства мозга, являющегося высшей формой органической материи, — лежит в основе советской психологии. Определяющим моментом в этом единстве является материя.

Второе. Психические свойства мозга производят субъективное отображение внешнего мира, материи. Марксистско-ленинская теория отражения лежит поэтому в самой основе советской психологии.

Третье. Нервно-психическая деятельность определяется образом жизни, образом бытия и изменяется с изменением образа жизни, образа бытия. Именно поэтому развитие животных определяется биологическим законом естественного отбора, а происхождение и развитие человеческого сознания определяются законами развития способа производства материальной жизни общества, т. е. изменением производительных сил и производственных отношений.

Четвертое. Из этого общего материалистического принципа обусловленности сознания человека общественным бытием неизбежно следует понимание классово-исторического

характера человеческого сознания и психических процессов. В результате такого истолкования совершенно неизбежен исторический подход к пониманию человеческого сознания и развития человеческой психики.

Мысль Сеченова о том, что будущая научная психология должна превратиться в ряд учений об истории психических процессов, об истории ощущений, об истории мышления, об истории памяти, об истории чувства, об истории воли и т. д., не могла быть реализована в его время; она может быть осуществлена только на основе историко-материалистического понимания психики. Практически именно в этом направлении и движется советская психология. Совершенно ясно, что этот исторический классовый подход дает возможность вместе с тем понять то новое, что характеризует законы образования и развития социалистического сознания людей нашей страны, понять качественное отличие этих новых закономерностей развития человеческого сознания в условиях социалистического общества от всяких предшествующих ступеней развития сознания.

Пятое. Советская психология, основанная на марксистском философском материализме, позволяет вскрыть основные противоречия в нервно-психическом развитии, позволяет вскрыть и те переходы между различными формами бытия и сознания, которые постоянно оставались камнем преткновения для всех философских и психических концепций. Я имею в виду три главных вопроса, которые оказывались на протяжении многих столетий неразрешимыми для философии и психологии и которые оказываются вполне разрешимыми только на основе марксистско-ленинской философии. Ленин указывал на то, что разрешение вопроса о переходе материи к сознанию не под силу ни метафизическому материализму, ни идеалистической диалектике. Только диалектический материализм и наука, которая на нем основана, способны решить вопрос о диалектическом характере перехода от материи к сознанию.

Второй вопрос, который также имеет генеральное значение и также оказывался камнем преткновения для всей предшествовавшей истории, — это проблема диалектики перехода от ощущения к мысли в познавательной деятельности человека.

Наконец, третий вопрос, который был неразрешимым вопросом для философских и психологических концепций прошлого, но который близок к своему разрешению в условиях

нашей советской науки, — это вопрос о диалектике взаимоотношений общественного и личного сознания.

Таким образом, решение всех вопросов становится возможным только благодаря диалектико-материалистической концепции развития.

Шестое. Советская психология исходит из принципа единства сознания и деятельности. О том, что сознание связано с деятельностью, что существует не только субъективная сторона, но и объективная сторона психической жизни, писалось немало в прошлой истории психологии. Однако разрыв объективного и субъективного, внутреннего мира человека и его практического жизненного поведения проходит красной нитью через всю историю психологии. Лишь в советской психологии основательно доказано, что сознание формируется практической деятельностью и что поэтому сознание раскрывается в процессе деятельности людей.

Таким образом, между сознанием и деятельностью оказывается не формальная, не случайная связь, а глубоко внутренняя генетическая связь, которая определяет развитие сознания. Через организацию, через формирование практической деятельности можно воздействовать на внутреннюю структуру сознания, на формирование сознания.

Если мы учтем, что в условиях советского общества деятельность людей освобождена от эксплоатации, если учтем, что деятельность людей в наших условиях становится подлинно свободной впервые за всю историю человечества, то мы поймем, какие исключительные, безграничные возможности связаны с правильным пониманием этого принципа в деле воспитания сознания, в деле воспитания психических качеств советских людей. Если учтем, что в условиях нашего социалистического общества индивидуальное сознание развивается на основе высокой коммунистической идейности, на основе социалистической идеологии, то также сможем отдать себе отчет в исключительных, никогда невиданных возможностях духовного расцвета наших людей.

80 лет тому назад великий русский мыслитель и педагог Ушинский писал, что психологии предстоит великое будущее в мире наук. Он связывал с психологией и физиологией мозга расширение границ физических, умственных и нравственных сил человека. Именно поэтому он полагал, что педагогический оптимизм и настоящий гуманизм черпают свои научные источники в психологическом познании. И совершенно естественно поэтому он считал невозможным дальнейшее разви-

тие дела воспитания и обучения в самом широком смысле слова без всестороннего развития психологической науки. Только в наше время осуществляются эти мечты Ушинского, но на принципиально иной теоретической базе и в иных социальных условиях.

В современной буржуазной психологии господствует фаталистическое учение об ограниченных возможностях ума и его способностей, об обусловленности их наследственными и иными органическими причинами, о роковой зависимости сложившегося характера и ума от каких-то неизменных обстоятельств среды и т. д. Буржуазная психология стремится доказать, таким образом, полноценность буржуа и неполноценность трудящихся, чтобы оправдать нынешние эксплоататорские отношения капитализма к трудящимся массам.

Остановимся на том новом, что внесено советской наукой и, в частности, советской психологией в разработку такой капитальной проблемы, как проблема психики и ее материального субстрата, как вопрос о материальной основе и о материальной причинности психических процессов.

Советская психология в решении этой проблемы оказалась с самого начала в особо благоприятных условиях. Это определялось не только новыми, диалектико-материалистическими философскими предпосылками, но это обусловливалось также и тем, что русская физиология достигла самых вершин мировой науки, заняла господствующие высоты в мировом естествознании. От Сеченова к Павлову наша отечественная физиология прошла победоносный творческий путь, который позволил проникнуть во внутренние механизмы нервной мозговой деятельности человека.

Необходимо заметить, что эти особые успехи русской, отечественной физиологии совершенно не случайны и что именно в России закономерно произошел расцвет физиологии, в особенности нервной физиологии. На первый взгляд кажется не совсем понятным, почему в России, в которой как будто позже возникла физиология, чем в других странах, так быстро были завоеваны мировые высоты в области физиологии, и почему — что особенно интересно — русская физиология преимущественно выдвигала круг проблем, относящихся к нервной деятельности. В этом отношении надо сказать, что история русской физиологии основательно отличается от развития физиологии в других странах, как в Англии и Франции, не говоря уже об Америке.

Из всех проблем физиологии наибольшее развитие в рус-

ской науке получили вопросы нервной физиологии. Это стало традицией. Все наши крупнейшие физиологические школы — Сеченова, Павлова, Введенского, Орбели, Ухтомского, Быкова, Беритова и др. — являются школами и нервной физиологии.

Это объясняется той теорией, которая лежит в основе всех без исключения физиологических школ нашей страны, — сеченовской концепцией. В свою очередь, сеченовская концепция в естествознании была порождена философскими принципами русского классического философского материализма. Сеченов был продолжателем в естествознании дела великих русских философов-материалистов. Он перенес борьбу против идеализма непосредственно в естествознание. Таким образом, эти своеобразные пути развития русской нервной физиологии объясняются органическими связями ее с классическим философским материализмом.

В первые годы Октябрьской социалистической революции борьба против идеалистической психологии велась с позиций этой передовой физиологии, особенно с позиций павловской школы. Исключительные достижения павловской школы не только позволили развить дальше гениальные идеи сеченовской физиологии, но дали возможность экспериментально впервые открыть законы высшей нервной деятельности. Открытие Павловым законов высшей нервной деятельности первоначально у животных, а затем у человека позволило проникнуть в тончайшие материальные основы психической деятельности.

Переход Павлова к разработке проблем типов высшей нервной деятельности позволил подойти к одному из самых трудных вопросов современной физиологии — к вопросу об источниках образования индивидуальных различий, к пониманию естественной основы характера. Постановка вопросов Павловым о генетике высшей нервной деятельности позволила поставить вопрос о противоречиях между приобретенным и наследственным, о противоречиях между индивидуальным и видовым развитием и дает возможность понять в настоящее время ведущую роль индивидуально приобретенного в отношении высших форм поведения. Наконец, перед самой своей смертью Павлов высказал гениальную мысль о коренном отличии человеческой высшей нервной деятельности от животной — отличии, которое он ставил в связь со второй сигнальной системой, с тем физиологическим механизмом речи, языка, который он назвал «второй сигнальной системой».

Таким образом, всё это обеспечило всё возрастающий успех павловской школы. Успехи отечественной физиологии неизбежно влекли за собой перестройку психологических понятий, проникая всё глубже в материальные основы психических процессов. Исследования Бехтерева и его школы в клинической психопатологии позволили проникнуть во многие вопросы, касающиеся, главным образом, механизмов образования индивидуального опыта. Исследования этой школы сыграли огромную роль в изучении мозговой локализации психических процессов.

Только в настоящее время формируется более правильное представление о локализации психических функций с точки зрения взаимоотношений между общей системной деятельностью больших полушарий и деятельностью функций отдельных зон мозга. Поэтому оказывается, что не со стороны только общей системной деятельности или со стороны узкой, специальной локализации функций, а лишь с обеих сторон можно понять материальную локализацию психических функций. Это позволяет понять пластичность, изменяемость локализации, широкую возможность замещения, перенесения функций, выработку новых центральных функций.

Мы имеем в виду, прежде всего, те замечательные новые знания, которые позволяют совершенно по-новому перестроить наши ранние представления и доводы. Они приобретены в годы Великой Отечественной войны. Дело в том, что в эти годы были проведены огромные практические работы по диагностике нервно-психических поражений в результате контузий и ранений головного мозга. В эти годы была проведена, быть может, самая интересная и новая, исключительная по своей полезности работа по восстановлению нарушенных нервно-психических функций при травмах головного мозга. Эта психологическая «восстановительная работа» в годы войны имела практический эффект и преследовала практические цели. В результате этой работы были возвращены к труду и на фронт многие тысячи раненых и контуженных, которые потеряли речь, потеряли зрение, потеряли слух, потеряли память и т. д. и которым в результате этой психической «восстановительной работы» были возвращены эти ранее утраченные функции.

Если в годы войны мы смотрели на эту «восстановительную работу» с точки зрения ее непосредственной пользы для госпитального дела, как на осуществление гражданского долга советской психологии перед Родиной и Советской Ар-

мией, то теперь мы имеем возможность теоретически оценить этот материал, который имеет далеко идущее перспективное значение. Этот материал по восстановлению различных нарушений речи, центрального расстройства слуха, памяти и т. д. показал возможность глубокой, всесторонней перестройки нервных механизмов психической деятельности (Лурия, Ананьев, Занков, Коган и др.).

Этот восстановительный опыт ставит перед нами новый вопрос о том, как в результате специально организованной деятельности, специальной организации опыта индивидуума возможно в течение известного времени образование новых динамических регуляций психических процессов, новых динамических «центров», которые вырабатываются в результате самой деятельности индивидуума.

Эти исследования, кстати говоря, показали, что между центром и периферией, между органами чувств, проводящими путями, и в особенности мозговым центром, существуют иные отношения, нежели раньше думали. Эти данные показывают исключительную роль центральных механизмов в их взаимодействии.

Мысль, высказанная Павловым в его последних трудах, осталась пока нереализованной. Решена лишь одна задача — изучение аналитической деятельности мозга. Нужно решить другую задачу — изучение синтетической деятельности мозга. Этот вопрос получает реализацию в настоящее время, в особенности в разработке проблем локализации психических процессов в связи с новейшими данными военного времени. Мы видим, как путем перестройки каких-то, непосредственно, казалось бы, не относящихся к данной функции, мозговых зон возможна перестройка аналитических функций мозга. Таким образом, мы сейчас видим, что существует своеобразное диалектическое взаимоотношение между аналитической и синтетической деятельностью мозга. Если синтетическая деятельность мозга возможна в результате развития аналитической деятельности, то, в свою очередь, синтетическая деятельность мозга оказывает влияние на перестройку, на динамику развития отдельных аналитических функций. Иначе говоря, это значит, что если аналитические функции мозга действительно являются единственным источником сложных умственных процессов, как общих представлений и мыслительных процессов, в которых осуществляется синтетическая деятельность мозга, то, в свою очередь, эта сложнейшая система общих представлений, понятий, мыслительных процес-

сов оказывается способной перестроить любую систему ощущений, способной заместить собою любой дефект ощущений.

Это доказано в новейших советских исследованиях, касающихся слепоглухих, в частности в недавно изданной работе слепоглухой Скороходовой «Как я воспринимаю мир». Она в настоящее время учится в вузе, пишет ценные в эстетическом отношении поэтические произведения. Она под руководством профессора психолога Соколянского смогла проанализировать свое состояние.

Вторая проблема, которая приобретает новый характер в советской психологии, — это проблема психического развития. Она включает в свое содержание ряд сложных вопросов, в решении которых советской психологией сделан крупный вклад.

К этим вопросам принадлежит тот, который Ленин обозначил как историю умственного развития животных. Он полагал, что разработка этой проблемы имеет значение не только для естествознания, но и для теории познания и диалектики, так как является одной из предпосылок для понимания предыстории человеческого сознания. Поэтому естественен тот интерес, который проявляет советская наука к разработке психического развития животных. За годы развития советской психологии имеется немало серьезных работ, которые позволяют создать научно обоснованную теорию психического развития животных, теорию развития поведения животных.

Совершенно очевидно, что научное построение такой теории возможно только при условии творческой разработки теории Дарвина. Проблему происхождения психики нельзя считать не только решенной, но даже поставленной во времена Дарвина, хотя последним были созданы важные предпосылки. Эта проблема была поставлена в духе творческого дарвинизма впервые на действительно научную высоту выдающимся нашим ученым Северцевым, который создал основные черты, основные принципы эволюционной теории психического развития животных. Северцев впервые показал, как естественный отбор неизбежно приводит к новым способам приспособления и что одним из способов приспособления, наиболее совершенным, обеспечивающим наилучшее приспособление животных, являются формы поведения, формы психической жизни животных. Понимание психики и поведения животных как способа приспособления, который изменяется в процессе естественного отбора, присуще по-настоящему русским ученым и прежде всего Северцеву. На этой основе

имеется множество конкретных исследований в зоопсихологии — исследований инстинктов, навыков, зародышевых форм интеллекта, — которые принадлежат Вагнеру, Ладыгиной-Котс, Войтонису, Рогинскому и др.

Особое место в развитии советской отечественной зоопсихологии неизбежно должна была занять проблема антропогенеза, вопрос о биологических, если хотите, зоологических предпосылках очеловечивания животных. Со стороны естествознания и психологии эта проблема может быть решена в определенной части, а не в целом. В целом вопрос о происхождении человека может быть решен на основе исторического материализма, на основе понимания того, как из труда и в процессе его возникает человеческий организм, образуется человек как новый род.

Понимание естественнонаучной стороны очеловечивания представляет важную сторону проблемы. Естественно, что в советское время наши отечественные зоопсихологи обратили внимание на особенности психической деятельности человекообразных обезьян. Проблема психики антропоидов — новый большой вопрос. Инициатором в разработке этого учения является русская ученая, известная в настоящее время всему миру крупнейшая исследовательница Ладыгина-Котс. Она имеет полное право на приоритет в этой области, поскольку ее исследования интеллекта антропоидов ранее начаты, нежели исследования таких ученых, как Келлер, Иеркс и др.

Исследования Ладыгиной-Котс показали не только сходные, общие элементы у антропоидов и человека, но и особые условия развития чувств и представлений в зародышевой форме у антропоидов, которые качественно отличны от развития органов чувств и представлений у человека. Особое значение имеет исследование Ладыгиной-Котс о сравнении умственного развития ребенка человека и дитя шимпанзе. Сравнение процессов развития ребенка человека и дитя шимпанзе показывает те линии, по которым ясно обнаруживаются элементы некоторого сходства и принципиального различия в психологическом развитии животного и человека.

Другим важным вопросом теории развития является вопрос о самых ранних формах нервно-психической деятельности ребенка. Мы имеем в виду психологию раннего детства. Ленин указывает, что история умственного развития ребенка имеет философское значение, позволяя понять процесс становления человеческого сознания в индивидуальном развитии у отдельного человека. Исследования в области умствен-

ного развития ребенка имеют поэтому первостепенное значение не только для педагогики, но и для теории познания. Объективное изучение психологии раннего детства, которое позволило отбросить всякого рода домыслы и вымыслы относительно ранних фаз психического развития ребенка, представляет собой вклад нашей советской науки (работы Бехтерева, Щелованова, Фигурина и др.). Это вынуждены признать многие из наиболее честных зарубежных ученых.

В результате исследований, которые ведутся больше 40 лет, мы имеем сейчас достаточно ясные, четкие научные представления о том, как зарождается в индивидуальном развитии психика человека, как формируются ощущения и в каком взаимоотношении они находятся, как возникают на этой основе предметные действия, способность ребенка манипулировать вещами и, таким образом, известная готовность к сознательным и трудовым актам. Благодаря этим исследованиям мы можем заново поставить вопрос о восприятии пространства и о тех условиях, которые являются главнейшими в восприятии пространства. Многие и другие вопросы, прежде всего теория раннего развития речи, оказываются впервые решенными на этой основе в исследованиях Рубинштейна, Люблинской, Леушиной и др.

Долгое время наука билась над вопросом, как образуются части речи и члены предложений, как происходит постепенное становление синтаксиса детской речи. В настоящее время мы можем ответить на этот вопрос в результате многих исследований советских ученых.

Но детская психология, которая приобрела большое теоретическое значение для науки, не ограничивается областью исследования раннего детства. За последнее десятилетие в нашей науке сложились две дисциплины: психология ребенка дошкольного и психология ребенка школьного возрастов. Ряд работ Рубинштейна, Леонтьева, Смирнова и др. установили новые принципы, которые отличаются от принципов детской буржуазной психологии. Представители буржуазной детской психологии настаивают на существовании исключительно изнутри идущего духовного развития ребенка. Исходя из этого, они приходят к выводу о незначительной роли воспитания и образования, отстаивая фаталистическое положение о роковой обусловленности развития ребенка наследственностью и средой. Советская детская психология, в результате конкретных исследований, изучения различных функций ума, сторон характера, различных способностей, показала ведущую роль

воспитания, показала, что воспитание есть не внешняя сила по отношению к будто бы неизменной детской психике: воспитание есть движущая сила психического развития ребенка. Понимание воспитания как ведущего звена в психическом развитии ребенка позволяет понять процесс социального формирования индивидуальности.

С другой стороны, коренным образом изменилось и отношение к образованию и обучению. Если старая детская психология рассматривала знания как только некоторый круг представлений, которые расширяются по объему, но остаются качественно теми же, — новая, советская психология указывает на то, что процесс усвоения знаний есть процесс приобретения умственных функций, развивающий способности и новые интеллектуальные качества. Образование и воспитание выступают творческими движущими силами нравственного и умственного развития ребенка.

Остановимся еще на одной важной проблеме, которая имеет первостепенное философское значение, — на проблеме ощущений. Быть может, на этой проблеме легче всего показать тот исключительный новаторский вклад, который за 30 лет был внесен советскими учеными в науку психологии.

Научная разработка вопроса об ощущениях начинается с XIX столетия. Очень важно отметить, что возникшая в XIX столетии психофизика — специальное учение об ощущениях — строилась на принципе интенсивности ощущений, динамических изменений ощущений в зависимости от интенсивности раздражений. Эта категория интенсивности ощущений лежит в основании всей старой психофизики XIX столетия. Поэтому так называемые «пороги ощущений» рассматривались, прежде всего, в зависимости от интенсивности раздражений. Другим принципом традиционной психофизики являлось рассмотрение порогов и уровня сознательности как постоянного, неподвижного фиксируемого уровня, который не изменяется никакими внешними и внутренними обстоятельствами. Известно, что именно это положение и вызвало серьезную, ожесточенную полемику по вопросу о границах и пределах так называемого психофизического закона.

Дело заключается в том, что старая психофизика преимущественно ограничивалась рассмотрением интенсивности изменений ощущений. Между тем понять роль ощущений как источника всех остальных психических процессов, как источника мысли и представлений можно при условии, если считать, что в ощущениях отражается качество предмета. Ведь

только через понимание отражения качества предмета можно понять все остальные свойства ощущений, как интенсивность, продолжительность и т. д. С другой стороны, ощущения, как начальное состояние сознания, как первичный акт сознания, можно понять только в связи с реальной жизнью, постоянными противоречиями и изменениями этой жизни.

Совершенно очевидно, что перед советской психологией встал вопрос о предметном содержании ощущений и о том, при каких условиях возможно изменять кажущиеся неизменными «пороги ощущений». В этом направлении пошла разработка теории ощущений в советской психологии. Этот вопрос о предметности различных ощущений, в том числе таких, как обоняние, вкус, болевые ощущения и т. д., которым буржуазная психология отказывает в познавательном значении, встал перед советской психологией, сделавшей важные открытия в области так называемых низших ощущений. Поразительными являются те данные, которые установила советская психология в отношении изменений порогов и способов повышения чувствительности. В этой связи проблема взаимодействия ощущений приобрела исключительное значение в советской психологии. Многочисленные исследования в этом направлении показали разнообразные формы и механизмы взаимодействия ощущений. Исследования тех условий, при которых возможно повысить чувствительность различных органов чувств, показали, что сенсибилизация органов чувств возможна с двух сторон — со стороны вегетативной нервной системы и со стороны корковых центров больших полушарий. На основе развития специальных представлений вполне возможна выработка уровня повышенной чувствительности, изменение кажущихся постоянными порогов ощущения (исследования Кравкова, Кекчеева, коллектива Института мозга имени Бехтерева).

Советская психология показывает необходимость генетического изучения восприятия цвета в связи с восприятием пространства, пространственных отношений объекта. Это генетическое изучение в области слуха позволяет поставить заново проблему музыкального слуха, речевого слуха. До последнего времени обычно теория восприятий излагалась как ряд учений, между собой не связанных: учение о предметности восприятий, учение о восприятии пространства, учение о восприятии времени, движения и т. д. Собственно, теория восприятий в целом представляла собой механическую смесь этих различных учений о сложных формах восприятия.

Новое заключается в том, что в исследованиях зрительного, слухового и осязательного восприятия советская психология показала пространственную динамику восприятий, зависимость восприятий предмета от объективных отношений пространства, связь и взаимопроникновение восприятия пространства и восприятия движения.

Советская психология, естественно, фокусом своей теоретической разработки считает проблему мышления и речи. Мышление и речь представляют собой самую высшую форму умственной деятельности, при чем такую форму, которая принципиально отличает человека от всех животных. Поэтому исследование генезиса мыслительного процесса и речи должно занять в советской психологии первостепенное место. Больших успехов в настоящее время советская психология достигла в исследовании проблемы речи; значительно продвинулась она вперед и в разработке вопроса о мышлении.

Буржуазная психология не различала понятия от представления, и поэтому мыслительный процесс сводился к ассоциации представлений. Новая, советская психология исходит из того, что понятия являются историческим продуктом, по выражению Энгельса, накопления мыслительного материала, и поэтому очевидно, что понятие не является продуктом индивидуально-психического развития, а есть результат общественно-исторического развития.

В этой связи и выдвигается типичная для советской психологии проблема понимания. Проблема понимания не составляет еще всего содержания проблемы мышления. Проблема понимания есть проблема овладения понятиями, которые составляют только часть процесса мышления и в особенности подготовительного процесса к творческому развитию понятий (исследования Выготского, Блонского, Соколова, Шеварева, Менчинской и др.).

Новым вопросом в теории психологии речи является вопрос о внутренней речи, вопрос новый, которому в старой психологии XIX столетия и даже нескольких десятилетий назад было посвящено очень немного исследований. Открытие новых явлений, феноменов внутренней речи, тех условий, которые производят обеззвучивание и сокращение внутренней речи, имеет исключительное значение. Именно на почве внутренней речи можно уяснить взаимодействие мысли и слова, переход мысли к слову.

Таковы те некоторые новые вопросы, которые составляют крупнейшие пункты психологии познания, психологического

анализа ума. Развитие другой линии в психологии связано с проблемой воли и характера, с вопросом, который связан с учением о нравственности.

Вопрос о воле является, быть может, одним из самых сложных вопросов в психологии, в который была внесена путаница буржуазной психологией в связи с попыткой исключить причинность из проблемы воли. Философский материализм и основанная на нем научная психология в качестве главнейшей предпосылки для решения этой проблемы выдвинули анализ причинности волевых актов. Эта причинность волевых актов исследуется в двух направлениях: во-первых, исследования объективной первичной причинности, которая заключена в обстоятельствах жизни и в целях деятельности; во-вторых, вторичной причинности, мотивов деятельности. Исследование намерений и смыслового значения волевого акта, которое приводит к соединению мотива волевого акта с целью волевого акта, типично для советской психологической теории воли.

Советская психология единство сознания и деятельности берет в органическом самопроникновении внутренних и внешних элементов воли и пытается понять, как субъективная сторона воли складывается из содержания самого действия и, в свою очередь, как действие определяется более высоким мотивом. Поэтому современная советская психология уделяет особенное внимание анализу мотивов и целей. Дан новый интересный анализ перехода от простых движений к действию. На различном уровне движений, действий, поступков изменяется структура волевого акта, как это показано работами Леонтьева, Запорожца, Гальперина и др.

Необходимо также указать на те новые тенденции, которые в советской психологии намечаются в учении о психологических особенностях личности и ее характера. Здесь нужно прежде всего указать на то, что взаимодействие между темпераментом и характером составляло сложнейший и неразрешимый до настоящего времени вопрос для психологии, и не только для психологии. Это, в конечном счете, был вопрос о естественных, так сказать, врожденных задатках и об особенностях индивидуума, приобретенных, воспитанных, образованных в жизни самого человека чертах характера. Как соединяются индивидуальность и индивидуум, как включает индивидуальность индивидуум, происходят или не происходят изменения органических качеств человека в ходе

индивидуального развития и образования характера — эти вопросы были для старой психологии совершенно неясны.

Исследования павловской школы по изучению типов высшей нервной деятельности пролили свет на образование органической основы темперамента. С другой стороны, исключительную роль в этом направлении сыграли новейшие психологические исследования, которые показали, что на базе одного и того же темперамента, на базе одного и того же типа нервной системы могут быть образованы самые различные характеры. На базе слабой нервной системы может быть образован сильный характер; наоборот, в силу недостатка воспитания может возникнуть слабый характер на базе сильного типа нервной системы. Вот это несовпадение качеств индивидуума и качеств индивидуальности показывает на наличие противоречий между характером и темпераментом, борьбы, которая приводит, при правильном воспитании, при заботе о всестороннем развитии личности, к победе прогрессивных черт характера.

Этот вопрос разработан советской психологией во многих исследованиях Страхова, Левитова, Ерес, Шифмана, Ананьева и др.

Другим вопросом является вопрос психического отношения, из которого складывается характер, вопрос, который был поднят нашим советским ученым Мясищевым и который в настоящее время разрабатывается у нас. Это вопрос о том, что́ представляют собой отношения личностей. Вопрос имеет первостепенное значение для дела воспитания. Нам не безразличен вопрос о том, какие отношения могут породить те или иные черты характера. Отсюда возникает вопрос о ведущих отношениях, которые действуют на внутреннюю структуру характера.

Новая идея советской психологии является не только идеей, но и практическим доказательством того, что отношения, закрепленные в образе жизни, превращаются в черты характера. Таким образом, черты характера не с самого начала даны как свойства личности, а существуют как динамически изменяющиеся отношения. Этот переход отношений в черты характера позволяет овладеть процессом образования характера, предоставляет возможность научного изучения воспитания характера.

Если буржуазная психология занимается главным образом классификацией характеров, то советская психология считает это вопросом второстепенным, чисто формальным, часто вред-

ным занятием. Прежде чем приступить к важной задаче классификации характера, нужно установить общую закономерность формирования характера. Эти общие закономерности формирования характера в настоящее время постепенно обнаруживаются. Ясно, что первичные отношения, которые образуют первичные черты характера и с которых начинается формирование характера, — это общественные отношения.

Общественные отношения порождают определенный тип, создают известные взаимоотношения, которые мы называем коммуникативными и из которых складываются первоначальные черты характера. Из этих первоначальных черт формируется целый ряд других черт характера на основе воспитания деятельностью. На основе развития мышления, сознательного отношения к бытию, в процессе общественных отношений, в особенности в условиях социалистической, коллективной жизни, формируется то, что можно было бы назвать самооценкой. Этот переход совершается в коллективной жизни, в процессе воспитания и самостоятельной общественно-практической деятельности индивидуума. Поэтому естественно, что источником характера, в отличие от темперамента, являются не наследственные, не врожденные качества, а его непосредственный источник заключается, во-первых, в воспитании и, во-вторых, в собственной практической деятельности индивидуума. Воспитание, взятое отдельно, обособленное от развития способностей индивидуума и самостоятельной деятельности, не может создать характера, но может служить лишь предпосылкой для его создания. Второй источник характера — самостоятельная деятельность и активность индивида.

Именно такое понимание способно объяснить замечательный, невиданный в истории массовый расцвет индивидуальных характеров в нашей стране. Высокая идейность, коммунистическая направленность отношений и качеств личности советского человека порождает оригинальность и цельность характеров, их бесконечное разнообразие и неповторимость.

В замечательных исследованиях Б. М. Теплова и его сотрудников разработана новая теория образования способностей и талантов, которая подобным же образом объясняет историческую природу расцвета дарований в нашей стране, заключенную в великих силах социалистического общества.

Такова очень неполная, но типичная картина успехов советской психологии.

Редактор — проф. *Б. А. Чагин*

М-01166. Подписано к печати 9/III 1948 г. Тир. 15 000. Изд. № 46. Зак. № 194.
Цена 75 коп.

Типография им. Володарского